

УДК 93/99

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-3-718-731

Оригинальное исследование

Исправительные учреждения города Курска в 1918–1921 гг.

Бочарников А.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: bocharnikov.aleksey.2020@vandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается история формирования исправительно-трудовой политики с 1918 по 1921 гг. в Курской губернии. После октября 1917 года большевистская власть практически сразу начинает перестраивать уголовно-исполнительную систему. Изначально данная политика была развернута против контрреволюционеров и «классовых врагов», но в процессе укрепления советской власти и в годы гражданской войны данная система была развернута и против рабочих и крестьян. Советская пенитенциарная система развивается параллельно с законодательной частью и, как правило, получает облик в виде трудовых лагерей. Была выработана классификация заключенных и система содержания в трудовых лагерях. На основе регионального материала были выявлены места и условия содержания заключенных. В качестве борьбы с антибольшевистскими настроениями данная политика себя оправдала в годы «красного террора», но в качестве политического «перевоспитания» или «искупления вины через общественно-полезный труд» исправительно-трудовая система после окончания гражданской войны стала неэффективна настолько, что последовала ее вынужденная ликвидация. Рассматривая исправительную систему г. Курска, автор выявил типичные для того времени проблемы содержания заключенных.

Ключевые слова: исправительно-трудовая политика, трудовые лагеря, лагеря принудительных работ, пенитенциарная система, борьба с антибольшевистским протестом

Для цитирования: Бочарников А.А. 2024. Исправительные учреждения города Курска в 1918–1921 гг. *Via in tempore. История. Политология*, 51(3): 718–731. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-3-718-731

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Correctional Institutions of the City of Kursk in 1918–1921

Alexey A. Bocharnikov

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: bocharnikov.aleksey.2020@vandex.ru

Abstract. The article examines the history of correctional labor policy formation in 1918–1921. After October 1917, the Bolshevik government almost immediately began to rebuild the penal system. Initially, this policy was deployed against counterrevolutionaries and "class enemies", but in the process of strengthening Soviet power and during the civil war, this system was deployed against workers and peasants. The Soviet penitentiary system was developing simultaneously with the legislative part and, as a rule, took shape as labor camps. A classification of prisoners and a system of confinement in labor camps were developed. As a fight against anti-Bolshevik sentiments, this policy justified itself during the years of the "red terror". However, it did not prove effective as a political "re-education" or "atonement through socially useful work" and was abandoned. Based on the regional material, the author identified the places and conditions of prisoners' confinement. A case study of Kursk penitentiary system allowed the author to reveal typical problems faced by prisoners at that time.

Keywords: correctional labor policy, labor camps, forced labor camps, penitentiary system, fight against anti-Bolshevik protest

© Бочарников А.А., 2024

For citation: Bochamnikov A.A. 2024. Correctional Institutions of the City of Kursk in 1918–1921. *Via in tempore. History and political science*, 51(3): 718–731. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-3-718-731

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Период с 1917 по 1921 годы в России является периодом особо острой социальной нестабильности: в первую очередь это связано было с Октябрьской революцией, борьбой большевиков за власть, гражданской войной. Как известно, в данный период происходит кардинальная смена не только социального, экономического, политического курса развития страны, но идет создание новой, советской пенитенциарной системы. Ни одно государство не обходилась и не обходится без системы принуждения (правоохранительные, судебные органы власти и т. д.). Так, захватив власть, большевики начинают активно использовать доставшиеся им «по наследству» от дореволюционной России места заключения. При этом создается новая база функционирования пенитенциарных учреждений. Демонтаж царской тюремной системы строился на принципиально новой системе наказания. Ее главной задачей являлось «перевоспитание» осужденного. Однако в условиях классовой борьбы указанного периода карательно-репрессивная политика на местах имела свою специфику. Региональный материал, изученный автором статьи, позволяет утверждать, что в тюрьмы, помимо спекулянтов, саботажников и прочих нарушителей закона, попадали не только представители буржуазии, духовенства, бывших помещиков-землевладельцев, но и рабочие, и разного уровня достатка крестьяне. Следует особо подчеркнуть, что данная система не принесла положительного результата в качестве «перевоспитания», но в качестве борьбы с антибольшевистским протестом работала весьма эффективно.

Объект и методы исследования

Объектом данного исследования является формирование и деятельность исправительно-трудовой системы в 1918–1921 гг. на территории Курской губернии.

В процессе исследования применялся комплексный подход, включающий метод научного описания, статистический анализ и историко-генетический метод. Научное описание позволило изучить исторические документы и сформулировать выводы. Статистический метод использовался для отслеживания количества заключенных в Курской исправительной-трудовой колонии. Историко-генетический метод позволил проанализировать эволюцию пенитенциарной системы в годы Гражданской войны. Принцип системности был ключевым как при отборе, так и при структурировании фактического материала, обеспечивая целостность исследования. Исследование проводилось с использованием принципов объективности, всесторонности и историзма.

Результаты и их обсуждение

Придя к власти в октябре 1917 года, большевики получили возможность устранить лидеров политической оппозиции. 28 ноября 1917 года Совет Народных Комиссаров (СНК) издал Декрет, который квалифицировал кадетов, одну из крупнейших партий России того времени, как партию «врагов народа», что повлекло за собой их «арест и предание суду революционных трибуналов» [Декреты Советской власти. Т. I, 1957, с. 85–87]. Для успешной борьбы с контрреволюцией 22 ноября 1917 года, т. е. за 6 дней до принятия Декрета «Об аресте вождей гражданской войны против революции», СНК издает Декрет «О суде» [Декреты Советской власти. Т. I, 1957, с. 124–126]. Этот документ упразднял ранее существовавшую судебную систему: окружные суды, судебные палаты, прокурорский надзор, судебных следователей, частную адвокатуру, при этом устанавливал два вида судов: народные и революционные трибуналы. Революционные трибуналы предназначались для борьбы с «контрреволюционными элементами», а также «для решения дел о борьбе с мародерством

и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и прочих лиц...» [Декреты Советской власти. Т. I, 1957, с. 125].

Согласно прилагающейся к Декрету «О суде» «Инструкции Революционного Трибунала» [Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР, 1942, с. 181–183], данный орган имел большие полномочия по широкому спектру дел, за нарушение которых следовали следующие наказания:

- штраф;
- лишение свободы;
- переселение;
- общественное порицание;
- объявление «врагом народа»;
- лишение политических прав;
- конфискация имущества;
- общественные работы.

В начале декабря 1917 года создается новый карательный орган – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (далее ВЧК). Вместе с тем четкого перечня полномочий в докладе Феликса Дзержинского от 7 декабря 1917 г. указано не было, он отмечал лишь, что «комиссия ведёт только предварительное расследование...»¹⁴⁹. Однако уже в феврале 1918 г. СНК утверждает дополнительные полномочия, согласно которым ВЧК имеет право проводить внесудебные решения с применением высшей меры наказания – расстрела. Данная функция была возложена на ВЧК после публикации Декрета СНК от 21 февраля 1918 г. «Социалистическое Отечество в опасности!». Согласно ему, все «неприятельские агенты, спекулянты, ... контрреволюционные агитаторы, ... расстреливаются на месте преступления» [Декреты Советской власти. Т. I, 1957, с. 490–491]. То есть ВЧК занималась теперь не только расследованием, но и вынесением и даже исполнением приговоров, фактически подменяя собой судебные органы.

Следует отметить, что официально на практике высшая мера наказания в первой половине 1918 года в отношении социально опасных лиц – «агентов, спекулянтов, громил, хулиганов, агитаторов, шпионов и прочих» использовалась относительно редко, то есть не носила массовый характер. Так, за первое полугодие 1918 года было расстреляно порядка 22 человек [Глушенко, 2009, с. 20]. При этом вплоть до второй половины 1918 года не существовало формулировки «политический преступник». Однако инцидент, произошедший в июне 1918 года на Пленуме ЦИК Кубано-Черноморской Республики, стал ярким примером контрреволюционных настроений даже в среде относительно лояльных к советской власти лиц, вынужденно согласившихся пойти на службу к «советам», а также жестоких мер, принимаемых большевиками для укрепления своей власти. Произошел арест членов следственной комиссии из числа «буржуазных спецов» и последующий внесудебный расстрел 77 человек. Этот инцидент показывает, насколько серьезно большевики относились к угрозам своей власти и как далеко они были готовы зайти для подавления инакомыслия. Такие действия создавали атмосферу страха, характерную для российской истории периода гражданской войны [Глушенко, 2009, с. 20].

В августе 1918 года в Пензенской губернии произошло крестьянское восстание, на которое В.И. Ленин отреагировал в крайне резкой форме: «Провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев, сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города» [Ленин, 1970, с. 143–144], «... крупных представителей буржуазии, помещиков, фабрикантов, торговцев, контрреволюционных попов, всех враждебных советской власти офицеров ... при всякой попытке сорганизоваться, поднять восстание, напасть на караул – немедленно расстреливать» [Тараканов, 2008, с. 100].

Эти слова вождя фактически ознаменовали начало политики «красного террора», хотя секретный приказ о его введении будет подписан только месяц спустя – 2 сентября 1918 года

¹⁴⁹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-130. Оп. 23. Д. 2. Л. 159, 161–162.

[Кокурин, Петров, 2002, с. 15]. А официально декрет опубликуют еще позже – 5 сентября 1918 года [Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР, 1942, с. 883]. Приказы В.И. Ленина о мерах наказания участников антибольшевистского сопротивления свидетельствуют о том, что в стране уже к августу 1918 года активно формировалась сеть тюрем и концентрационных лагерей, целью которых была изоляция и даже физическая ликвидация «классовых врагов» [Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР, 1942, с. 883].

Параллельно с формированием карательных органов складывалась и советская пенитенциарная система. Первоначально СНК возложил общее руководство ею на Народный комиссариат юстиции (далее НКЮ), который принял всю имеющуюся тюремную сеть от дореволюционной России, после чего началась советская реформа всей тюремной системы бывшей Российской империи. Так, 25 декабря 1917 года создается центральное общегосударственное Тюремное управление. Его целью объявлялось общее «заведывание тюремным бытом» в советской России [Федосеев, 2012, с. 33].

Процесс реформирования тюремной системы заключался в переходе от изоляционной политики правонарушителей к исправительно-трудовой. Суть перехода заключалась в том, чтобы заключенный не только искупил общественно-полезным трудом свое наказание, но и «через труд» прошел процесс перевоспитания. Это обстоятельство легло в основу Постановления НКЮ от 24 января 1918 года «О тюремных командах» [Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР, 1942, с. 298]. Согласно данному Постановлению, из числа трудоспособных заключенных собирались рабочие бригады. Таким бригадам предоставлялся определенный объем работы, за который заключенные получали заработную плату, однако получить её могли лишь после освобождения. Это создавало своеобразный стимул для работы в период заключения, но одновременно означало, что реальные финансовые выгоды они не могли использовать в условиях заключения. Кроме того, из каждого оклада заключенного изымался налог в размере 1/5 части ежемесячного заработка. Эти средства направлялись на улучшение быта заключенных. Такой подход позволял хоть как-то улучшить условия жизни в местах лишения свободы, но также свидетельствовал о наличии системы «контролируемого труда», то есть трудовой эксплуатации заключенных.

23 июля 1918 года НКЮ издал еще один важный документ: «О лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такового (Временная инструкция)» [Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР, 1942, с. 708–714]. Документ свидетельствовал о разворачивании процесса формирования правовой системы уголовного наказания и лишения свободы в советской России. Согласно «Временной Инструкции», создавались пять видов мест заключения:

1. **«Общие места заключения (тюрьмы)».** Как правило, сюда попадали граждане, которые были социально опасны, либо те, кто привлекался не первый раз. В случае нарушения дисциплины заключенные подвергались более суровым наказаниям. Эти меры включали лишение свиданий и заключение в одиночную камеру, а также в карцер, где они могли находиться сроком до двух недель. Для тех, кто имел частые рецидивы нарушений, предусматривалось помещение в специальную тюрьму – изолятор. Это создавало дополнительное давление на заключенных и усиливало элементы контроля и изоляции в системе. Такие меры дисциплины предназначались для поддержания порядка и предотвращения беспорядков, но они также подчеркивали жесткие условия, в которых находились заключенные. Осужденные, которые не нарушали тюремный правопорядок, занимались трудовой деятельностью непосредственно в местах заключения (т. е. в тюрьме).

2. **«Реформатории и земледельческие колонии».** Данные учреждения создавались на основе воспитательно-карательной системы. В основном здесь содержались молодые преступники либо те, кто был осужден впервые. Заключенные реформаторий и земледельческих колоний занимались трудом вне стен тюрьмы. При этом заключенные параллельно получали профессиональное образование и могли претендовать на досрочное освобождение.

3. **«Испытательные заведения».** Испытательные заведения создавались для лиц, имеющих основания для послаблений режима их содержания. Такие учреждения предназначались для заключенных, которые имели примерное поведение и стремились к реабилитации. Кроме того, эти заведения также предназначались для тех, кто претендовал на досрочное освобождение. Основной целью испытательных заведений было предоставить заключенным возможность адаптироваться к жизни вне стен тюрьмы и подготовить их к повторной интеграции в общество.

4. **«Карательно-лечебные заведения».** В данном учреждении содержались заключенные, которые имели явные психические расстройства.

5. **«Тюремные больницы».** Больницы создавались для содержания заболевших заключенных. Для того чтобы арестанта отправили в тюремную больницу, необходимо было пройти врачебную комиссию и иметь заключение врача. Как правило, за время болезни заключенные не привлекались к общественным работам. За свое содержание платили они сами из средств, заработанных за время нахождения под стражей.

«Временная инструкция» регламентировала также порядок содержания заключенных. Все физически способные лица привлекались к принудительному труду, за который заключенные, как отмечалось выше, получали зарплату, из которой изымались денежные средства не только на улучшение жизни и быта заключенных, но и на его одежду и лечение. В случае если заключенный был недееспособным, оплата изымалась из его имущества после вынесения приговора. Это обеспечивало защиту интересов самого заключенного.

Следует отметить, что по «Инструкции» предусматривался отпуск не более двух недель для лиц, осужденных на срок меньше одного года. Такой отпуск мог быть предоставлен только по уважительной причине, включая смерть близкого человека или «другие серьезные поводы». Это позволяло заключенным сохранять связь с внешним миром и справляться с трудными жизненными обстоятельствами.

Если осужденный отказывался от исполнения общественных работ, то на лицевой счет записывался расход на его содержание. И в результате такой заключенный не мог выйти на свободу до тех пор, пока не выплачивал задолженность. Если данная мера не помогала, то осужденного переводили на уменьшенный паек, еще одним суровым наказанием являлся изолятор, куда отправляли т. н. «неисправимых».

В ходе складывания советской государственной исправительно-трудовой системы создавались постоянно действующие отделения, которые подчинялись НКЮ. Согласно «Инструкции», в число важнейших функций таких отделений входило, в частности, определение организационной структуры и правил тюремного заключения. Всего было создано девять отделений: 1-е – по выработке воспитательно-трудовых методов и карательных мер; 2-е – распределительное; 3-е – техническое; 4-е – сельскохозяйственное; 5-е – врачебно-санитарное; 6-е – снабжения; 7-е – строительное; 8-е – конвойное; 9-е – помощи отбывшим наказание лицам [Зубков, Калинин, Сысоев, 2008, с. 30–31]. Вместе с тем можно вполне согласиться с утверждением одного из исследователей данной проблемы В.И. Федосеева, что из всех перечисленных видов тюремного заключения в реальности существовали только тюрьмы и тюремные больницы, поскольку в годы гражданской войны необходимо было в первую очередь защитить революцию от противников советской власти. Именно поэтому власть и прибегала к радикальным мерам в борьбе с контрреволюцией [Федосеев, 2012, с. 34].

Помимо вышеперечисленных мест заключения, существовали также исправительно-трудовые колонии для несовершеннолетних. Как правило, данные колонии делились на две категории:

- от 14 до 16 лет;
- от 16 до 20 лет;
- спецбольницы (в данную категорию попадали подростки, которые имели заболевания в виде туберкулеза, психических отклонений и других неизлечимых форм заболеваний [Детков, 1992, с. 41–42].

Однако, согласно мнению Реента Ю.А. и Юнусова А.А., в реальности было выделено всего три категории: осужденные за умышленное преступление (те, кто имел корыстный

характер преступления, осужденные за неумышленное преступление (без корыстного характера), и рецидивисты (те, кто ранее уже был осужденным, т. е. «злостный» преступник) [Реент, Юнусов, 2018, с. 272–273].

Как уже отмечалось выше, 5 сентября 1918 года было опубликовано Постановление СНК «О красном терроре» [Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР, 1942, с. 883], суть которого заключалась в уничтожении или в изолировании «классовых врагов» в концентрационные лагеря. 15 апреля 1919 года СНК издает еще один важный Декрет «О лагерях принудительных работ» [Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР, 1943, с. 180]. Документ первоначально предписывал управление пенитенциарными учреждениями возложить на губернские ЧК. Однако после окончательного оформления структуры и кадрового состава Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) в центре и на местах управление «лагерей принудительных работ» переходило в его ведомство. С нашей точки зрения, можно вполне согласиться с мнением В.И. Федосеева, что пункт 2-й данного Декрета («Лица, подлежащие заключению») свидетельствует о том, что выстраиваемая советская система являлась принципиально новой. В лагеря теперь направлялись лица, которые относились к числу иностранных граждан, а также представители бывших «господствующих классов». Находиться в лагерях они должны были вплоть до окончания гражданской войны [Федосеев, 2012, с. 34].

Согласно мнению М. Рубинова, организация подобного рода лагерей позволяла большевистской власти решать продовольственные задачи в стране. То есть благодаря принудительному труду можно было не только накормить, но и одеть нуждающихся¹⁵⁰.

17 мая 1919 года в РСФСР вышел Декрет «О лагерях принудительных работ». В этом Декрете отмечалось, что новые лагеря создавались в качестве дополнения к уже имеющимся [Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР, 1943, с. 327–332]. Декрет представлял собой своеобразную инструкцию по организации и управлению новым видом лагерей принудительных работ. Такие лагеря должны были быть открыты в каждом губернском городе и рассчитаны не менее чем на 300 человек. Принудительные работы организовывались в зависимости от местных условий, что позволяло использовать рабочую силу как в самом городе, так и за его пределами. Как и в созданных ранее лагерях, на заключенного заводился лицевой счет и сберкнижка, куда перечисляли его заработок. Как и в ранее созданных, во вновь создаваемых лагерях часть оклада заключенного изымалась в качестве своеобразного «налога» в казну лагеря, точно так же вычитались из заработка заключенного и расходы на его содержание (одежда, еда, лечение и пр.). Работать заключенный должен восемь часов в день. Помещения, в которых находились заключенные, должны были соответствовать всем прописанным нормам и требованиям гигиены и санитарии.

Предусматривалось суровое наказание за попытку побега. За первый побег – увеличение срока заключения в 10 раз от первоначального. За повторный побег осужденный попадал под суд ревтрибунала, который имел юридическое право применять в этом случае высшую меру наказания – расстрел.

На завершающем этапе гражданской войны советские тюрьмы и лагеря были переполнены, поскольку губернские ЧК сажали за мельчайшие проступки и даже без основательной доказательной базы. В результате и тюрьмы и концентрационные лагеря заполнялись теми, кто по своему социальному происхождению (по логике большевиков) был опорой революции, – небогатыми крестьянами и рабочими. Ситуация была настолько сложной, что 8 декабря 1920 года Ф.Э. Дзержинский вынужден был написать специальную записку управляющему делами ВЧК о том, что он поручает «проработать вопрос», чтобы советские тюрьмы были заполнены «действительно врагами народа». Поскольку изначально советские тюрьмы

¹⁵⁰ Рубинов М. Становление советской пенитенциарной системы. 1918–1921 гг. *Электронная книга памяти жертв политических репрессий «Годы террора»*. URL: <http://kniga.pmem.ru/13-1-stanovlenie-sovetskoy-penitenciarnoj-sistemy-1918-1921-gg.htm> (дата обращения: 07.09.2024).

и лагеря создавались для изоляции контрреволюционеров, а реально в годы войны попадали в них массово «рабочие и бедняки-крестьяне», то в отношении них (с учетом их социального происхождения) решено было «проводить досрочное освобождение, брать на поруки знакомых или иных групп рабочих и крестьян» [История сталинского Гулага, 2004, с. 556–557].

Наконец, 8 сентября 1921 года председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский подписывает приказ № 10 «О карательной политике органов ЧК» [История сталинского Гулага, 2004, с. 558–561]. Согласно приказу, большое количество рабочих и крестьян попадали в тюрьмы за малозначительные преступления, такие как кражи или спекуляции. Также задерживались лица, по которым не было достаточных доказательств. В этой связи решено было «освободить лагеря», так как советская власть не имела финансовых средств для создания новых исправительных учреждений, где бы содержались лица, совершившие «незначительные» правонарушения. В приказе детализировались шаги, которые должны были быть предприняты для «разгрузки лагерей» специально созданной для этих целей комиссией:

1) комиссия обязана была провести всестороннюю проверку тюрем. Это подразумевало оценку условий, в которых находятся заключённые, а также анализ их трудовой активности. Особое внимание уделялось выявлению тех, кто был осуждён на основании недостоверных фактов, а также тех, кто мог быть освобождён в результате изменений в законодательстве или по ходатайствам местных организаций. Комиссия должна была вести переговоры с заводскими комитетами и профсоюзами, чтобы инициировать вопрос о досрочном освобождении осуждённых, за которых местные организации могли бы поручиться. Работники ЧК и партийных комитетов также должны были регулярно посещать заключённых и проводить с ними беседы, чтобы разобраться в причинах их преступлений. Если заключённые не имели злого умысла или оказались в трудной ситуации, это могло стать основанием для подачи ходатайства о досрочном освобождении;

2) в процессе контроля мест заключения комиссия должна была особо учитывать подследственных рабочих и крестьян. Их следовало расценивать не как «классовых врагов», а как людей, совершивших «недопустимое деяние в условиях социальных трудностей». Отношение к таким делам должно было быть более мягким. Комиссия обязана была разработать специальный порядок для оперативного рассмотрения этих дел, включая возможность вынесения условных приговоров, предполагающих «отпуск на поруки и подписки о невыезде». Важно отметить, что никто из рабочих или крестьян не должен был подвергаться аресту без наличия серьёзных улик, подтверждающих законность его задержания. Вместе с тем освобождение рецидивистов следовало осуществлять с особой осторожностью, чтобы не усугубить ситуацию в сфере безопасности общества;

3) в адрес враждебного класса – буржуазии – требовалось усилить репрессии, что обусловливалось необходимостью сохранения общественного порядка и безопасности «в условиях классовой борьбы». Важно отметить, что освобождение представителей буржуазии, по мнению властей, должно было производиться с крайней осторожностью. Перед принятием решения об их освобождении требовалось тщательно проверить необходимость и незаменимость этих специалистов в работе учреждения. Таким образом, каждая ситуация рассматривалась индивидуально, чтобы избежать возможных негативных последствий для общества и государственного аппарата;

4) принять меры для изоляции представителей прежней буржуазии в местах лишения свободы от других заключённых, особенно крестьян и рабочих;

5) создать особые концентрационные лагеря, «где будет содержаться... буржуазия».

Всего на 17 мая 1921 года в России существовало 128 лагерей [История сталинского Гулага, 2004, с. 562–564].

На основании приказа ВЧК за № 10 (принят в 1919 году) для обследования мест заключения, выяснения социального происхождения заключённых и применения к ним ходатайства об освобождении в Курской губернии в 1921 году была сформирована специальная комиссия.

В ее состав входили представители губернского комитета партии (Губком), Рабоче-Крестьянской Инспекции (РАБКРИН), дорожно-транспортной чрезвычайной комиссии (ДТЧК), губернского отдела здравоохранения (Губздравотдел), губернского профсоюза (Губпрофсоюз) и губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ГубЧК).

На территории Курской губернии находилась одна тюрьма, расположенная в городе Курске. Эта тюрьма занимала несколько «территориальных локаций»: «Артдом»¹⁵¹ за Херсонскими воротами, «Артдом» за Московскими воротами, лагерь принудительных работ и камеры заключенных «ГУБЧЕКА»¹⁵².

1-е место заключения – «Артдом за Херсонскими воротами».

На момент обследования там находилось 358 человек. Из них осужденных – 46, подследственных – 132 и «пересыльных» – 180 человек. Обследование показало, что место заключения находилось в «хаотическом состоянии»: здание стояло без окон, в камерах было сыро и грязно. Отопление отсутствовало, поэтому в некоторых камерах, а особенно в нижних этажах, стоял «невыносимый холод». Нары во всех камерах были «отложными», т. е. складывались и раскладывались вдоль стен. В отчете об обследовании отмечалось, что камеры были переполнены заключенными, которые «находятся в своей одежде», белье – грязное, особенно у «пересыльных до невозможности». По словам заключенных, «в таком белье ходят до пяти месяцев». Баня отсутствовала, многие заключенные жаловались на «вшивость», уборная и внутренний двор находились в «недопустимом антисанитарном состоянии». Медицинский пункт, находящийся в отдельном корпусе, состояние имел «не лучше тюрьмы»: помещение было сырое и холодное, везде грязь, коек не хватало, поэтому больные иногда лежали на полу. Проверка показала отсутствие постельных принадлежностей, что вынуждало больных заключенных «лежать под своей одеждой». Прием пищи для заключенных осуществлялся один раз в день; больных, лежавших в медпункте, кормили два раза в день. При тюрьме имелись две мастерских – «шорная», где заключенные изготавливали изделия из кожи, и «бондарная», где производили деревянную посуду и бочки.

2-е место заключения – «Артдом за Московскими воротами».

Согласно материалам проверки комиссии, общее состояние «Артдома» было «удовлетворительное». Отмечалось, что «соблюдается чистота и порядок, камеры сухие и светлые, койки отдельно стоящие, но «без тюфяков», поэтому заключенные спят, подкладывая на кровати свою верхнюю одежду. Кухня в тюрьме находилась в хорошем состоянии, и, по словам заключенных, «пища удовлетворительного качества». Однако медпункт был переполнен, и его помещение не соответствовало необходимым санитарным требованиям: оно было «холодное, старое, от окон дуло». Не было одеял, и больные укрывались «собственной одеждой». Отсутствие бани привело к инфекционным болезням, в частности дизентерии, а также вшивости, что несло угрозу заражения здоровых заключенных. При «Артдоме» имелись мастерские: «сапожная, столярная, кузнечная, портняжная и бондарная», в которых выполнялись заказы «для нужд «Артдома» и советских учреждений». Однако комиссия отмечала, что в мастерских существовал острый дефицит необходимых для работы материалов. В отчете комиссии особо отмечалось, что в «Артдоме» хорошо был организован досуг заключенных: на балансе числился самодеятельный театр, библиотека и хор.

3-е место заключения – «Лагерь принудительных работ за Московскими воротами».

Проверка комиссии показала, что камеры заключенных находились в бывших кельях монахинь, причем некоторая их часть «носит характер общежитий». Имелись отдельно стоящие койки с постельными принадлежностями. Однако в некоторых камерах было замечена недопустимая «теснота». Так, например, в «камере № 17 с размером приблизительно 5 куб.

¹⁵¹ «Артдом» – артельный дом.

¹⁵² Государственный архив Курской области. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 136. Л. 46–47.

саж. помещается 13 человек»¹⁵³, т. е. 13 человек располагались на 48,565 м³. Условно переводя в квадратные метры с примерным учетом высоты потолков 2 м, можно подсчитать, что на одного заключенного в такой камере приходилось меньше 2 м² на человека.

В камерах, отведенных под распределитель, не было коек и постельных принадлежностей, поэтому заключенные вынуждены были лежать на голом полу, подстилая собственные вещи. Баня работала не регулярно, в результате «некоторые заключенные остаются не мытые по шесть месяцев». Кормят заключенных один раз в день, дополнительно им дается $\frac{3}{4}$ фунта хлеба (примерно 300–350 грамм) на человека. Вместе с тем заключенные имели возможность самостоятельно готовить себе еду из собственных продуктов.

Медпункт рассчитан был на 6 кроватей. Комиссия отмечала, что он «содержится сравнительно хорошо». Имелись постельные принадлежности, белье для заключенных. Однако было замечено отсутствие целого ряда необходимых лекарств, например, «камфорного масла для подкожных впрыскиваний».

4-е место заключения – «В камерах заключенных ГУБЧК».

В отчете комиссии отмечалось, что помещение тюрьмы было сухим, теплым и содержалось в чистоте. На момент проверки в лагере находился 71 заключенный. Обследование камер показало, что имелись «нары отложные без тюфяков», заключенные одеты в собственную одежду, регулярной бани нет, кормят один раз в день, дополнительно выдавая $\frac{3}{4}$ фунта хлеба на человека, однако есть возможность приготовить еду самим из своих продуктов. При осмотре камер «ДТЧК»¹⁵⁴ и «ОДТЧК»¹⁵⁵, Гормилиции и Губрозыска было установлено, что они отапливаются достаточно. Вместе с тем отмечалось, что остро стоит вопрос с питанием арестованных, поскольку им «не дают горячей пищи». Со слов администрации, в ближайшее время данная проблема должна была быть устранена¹⁵⁶.

Исходя из анализа документов по проверке мест заключения, можно утверждать, что ситуация с тюремным бытом была крайне неудовлетворительной: недостаток или отсутствие кроватей (вместо них – нары), отсутствие спальных принадлежностей, нерегулярная работа бань, нехватка необходимых медикаментов. Заключенные содержались в тяжелых условиях: как правило, в камерах было холодно и сыро, а из-за отсутствия не только кроватей, но даже «нар» приходилось спать на полу, подстилая собственные вещи. Такая ситуация была следствием не только нехватки финансирования на оборудование мест содержания заключенных, но положение усугублялось тем, что количество заключенных существенно превышало вместимость тюрем. И властям приходилось искать другие, зачастую мало приспособленные помещения для размещения заключенных, как это было, например, с «Артдомом за Московскими воротами».

В целом на момент организованной проверки содержания заключенных в Курской тюрьме числилось 1 400 человек¹⁵⁷. Однако численность их постоянно менялась. Заключенных тюрем и «лагерей принудительных работ» делили, как правило, на три категории:

1) «осужденные» – заключенные, которые были признаны в судебном порядке в совершении преступления;

2) «следственные» – заключенные, которые подозревались в совершении преступления, вследствие чего были изолированы и этапированы в концентрационный лагерь;

3) «пересыльные» – заключенные, которые прибыли на временное заключение для последующего назначения его в конечную исправительно-трудовую колонию¹⁵⁸.

На территории Курской губернии все категории заключенных в исследуемый период (1921 г.) отбывали наказание в следующем количестве (табл. 1):

¹⁵³ 1 куб. сажень = 9,713 м³.

¹⁵⁴ ДТЧК – дорожно-транспортная чрезвычайная комиссия.

¹⁵⁵ ОДТЧК – отдел дорожно-транспортной чрезвычайной комиссии.

¹⁵⁶ ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 136. Л. 46 об.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Там же.

Таблица 1
Table 1Категории заключенных, отбывающих наказание (1921 г.)
Categories of prisoners serving sentences (1921)

Тюрьмы	«Подследственные»	«Осужденные»	«Пересыльные»
ГубЧК	71	-	-
Лагерь принудительных работ	-	460	-
Артдом за Московскими воротами	265	148	-
Артдом за Херсонскими воротами	132	46	180
ОДТЧК	9	-	-
ДТЧК	17	-	-
в Курском Губ. уголовном розыске	28	-	-
в Курской городской милиции	27	-	-
в Курской уездной милиции	17	-	-
Итого	566	654	180

Исходя из представленных в таблице данных, можно констатировать, что всего в перечисленных тюремных заведениях и лагере «принудительных работ» в обозначенный период находилось в заключении 1 220 человек. Все они были осуждены за преступления на территории Курской губернии. В то же время следует особо отметить, что «подследственные» также находились под стражей до вынесения приговора. Но после проверки следственных дел было выяснено, что без вынесения приговора люди находились в заключении более 11 месяцев¹⁵⁹. Таким образом, можно предположить, что вынесение приговора намеренно затягивалось из-за отсутствия доказательной базы.

180 человек являлись «пересыльными», то есть ожидали дальнейшего перемещения в назначенную им исправительно-трудовую колонию. В связи с тем, что эти заключённые считались «временными», отношение к ним было иным: не выдавали тюремную одежду, спальные принадлежности, бани могло не быть около 6 месяцев. При этом они должны были трудиться наравне со всеми.

Точных данных о вместимости тюрем в документах нет, поэтому проанализировать, насколько в действительности тюрьмы были переполнены, сложно. Однако, оперируя описанием быта и условиями содержания, а также исходя из Декрета СНК от 17 мая 1919 года «О лагерях принудительных работ» [Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР, 1943, с. 327–332], где было указано, что лагеря должны были быть рассчитаны не менее чем на 300 человек, мы можем утверждать, что каждая тюрьма не могла вместить указанное количество заключенных, то есть действительно тюрьмы были существенно переполнены.

Помимо вышесказанного, важно отметить, что анализ следственных дел позволил комиссии 1921 года прийти к выводу о социальной принадлежности заключенных. В документах отмечалось, что из общего их числа в «домах лишения свободы находится 95 % рабочих и крестьян», причем большая часть арестантов совершили правонарушения «маловажного характера»¹⁶⁰.

В целом, подводя итоги своей работы, комиссия по обследованию Курских губернских мест заключения сделала весьма неоднозначные выводы. В итоговом акте по результатам проверки мест заключения было записано следующее (авторами сохранены стилистика и грамматика документа): «Тюрьма это храм смерти и необъяснимых мук и страданий рабочих и крестьян..., рукой которых был уничтожен империалистический деспотизм... Однако рабочие и крестьяне свергли царя и буржуев и вышли на путь светлой свободы,

¹⁵⁹ Там же. Л. 47.¹⁶⁰ ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 136. Л. 47 об.

предоставив себе право самостоятельно распоряжаться собой. Они провозгласили лозунг: «Тюрьма и война – буржуазии», услышав эти слова, буржуйная свора испугалась и выступила против пролетариата в открытую и нелегальную борьбу. Но своей костлявой рукой ей не удалось задушить свободу пролетариата, получив победу на внешнем фронте война продолжается на внутреннем. Гражданская война окончательно довела страну до невозможного состояния: с каждым годом войны рабочие и крестьяне все больше и больше терпят нужду в первых потребностях для существования. Большинство людей, а особенно из среды низшего слоя населения, благодаря старому наследию своей темноты – необразованности, неосознанности были подвержены влиянию врагами революции. В результате чего создаются различные виды преступлений, большая часть которых относится к разряду «маловажного характера»: мелкие кражи, взяточничество, пьянство и т. д. В связи с этим тюрьма с 1917 года получившая название «для классовых врагов революции» начинает заполняться беднейшими крестьянами и рабочими, т. е. классовыми элементами революции. Это объясняется тем, что еще не было ни одного короткого мирного времени, чтобы можно было выйти из этого темного и несознательного тупика в который их завел режим царей и банкиров. Поэтому необходимо выполнить следующее:

1) принять все решительные меры к изоляции «подследственных» от осужденных, а также улучшение жизни содержащихся в тюрьмах. Особое внимание обратить на просвещение и санитарное состояние;

2) приказ ВЧК № 10 распространить среди учреждений губернии для исполнения, и среди населения для ознакомления;

3) немедленно войти в соглашение с соответствующими органами власти и приступить к пересмотру уже решенных дел, а также немедленно назначить к рассмотрению дела, по которым еще не состоялся суд, на предмет широкого освобождения рабочих и крестьян; главным образом эта работа первым долгом желательна в органах ЧК и Ревтрибуналах с участием представителей Комиссии, т. к. за таковыми заключенных значится больше всего;

4) немедленно создать такие же комиссии в уездах, работу которых объединить под руководством Губчека»¹⁶¹.

Подводя общий итог анализу вышеизложенного материала, следует отметить, что принудительные лагеря в 1922 году были расформированы в соответствии с новым Уголовным и Уголовно-процессуальным кодексами РСФСР [Федосеев, 2012, с. 36], по которым с учетом окончания гражданской войны, укреплением советской власти и переходом к новой экономической политике был установлен новый судебный порядок рассмотрения дел [Белова, 2013, с. 35].

Для ликвидации лагерей на местах создавались особые ликвидационные комиссии, которые имели широкие полномочия для быстрого решения данного вопроса. Лиц, которые по решению комиссий не угрожали интересам советской власти, отпускали на свободу. Те, кого комиссии считали не подлежащих освобождению как представляющих угрозу для советской власти, переводили в «Дома общественных принудительных работ» (ДоПР), сокращая при этом на 1/3 срок отбывания наказания¹⁶².

Заключение

Таким образом, можно утверждать, что основой формирования исправительно-трудовой системы в советской России послужили принципы, сформулированные в самом начале реализации политики «красного террора».

Первоначально официально провозглашенной целью «красного террора» были «классовые враги пролетариата». К ним принадлежали дворяне, бывшие помещики, священнослужители, кулаки, а также те, кто выступал против власти большевистской партии, напри-

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 294. Л. 24.

мер, представители партий кадетов, правых эсеров и меньшевиков. В связи с этим большевистская власть была вынуждена идти на изменения в сторону ужесточения пенитенциарной системы и создавать многочисленные карательные органы.

В процессе расширения территорий, на которых устанавливалась советская власть, была выявлена новая проблема, которая выражалась в антибольшевистском протесте на местах. Как правило, такой протест не носил ярко выраженный «силовой» антибольшевистский характер. Изначально он заключался в игнорировании трудовой мобилизации, невыполнении продразверстки, дезертирстве из рядов регулярной Красной Армии, различного рода спекуляциях, проявлялся в мелких кражах, коррупции и пьянстве. Советская исправительно-трудовая система в начале своего существования проявила эффективность в содержании малозначительных преступников и правонарушителей. В социальной структуре Курской губернии среди категории «малоопасных», находившихся в Курской исправительно-трудовой колонии, 95 % составляли рабочие и крестьяне.

Как правило, исправительно-трудовые лагеря располагались в старых тюрьмах, оставшиеся от Российской Империи. Новые формировали либо из-за отсутствия старых в данном регионе, либо из-за существенного их переполнения. Особо опасных преступников, к числу которых причисляли представителей враждебных политических партий, бывших помещиков и буржуазию, кулаков, священнослужителей и белогвардейцев, содержали вне города. Тех, кто был арестован за «малоопасное» для советской власти преступление, содержали в городе либо в его черте для того, чтобы заключенные могли работать на городских предприятиях или выполнять иные виды трудовой повинности.

Материально-бытовые условия, особенно на территории города Курска, оставались далеки от санитарных требований. Это касается не только отсутствием постельного белья, одежды, лекарств, бани, но и условий, в которых содержались заключенные: сырые, не отапливаемые помещения, где на человека приходилось площади менее 2 м².

Основная цель советской исправительно-трудовой политики заключалась в «искуплении наказания через труд». Поэтому зачастую на территории колонии присутствовали мастерские, где заключенные работали не только для своих нужд, но и выполняли госзаказы местных властей. Однако заключенные не проявляли особой активности по выполнению поставленных задач. В качестве одного из многочисленных примеров халатного отношения к трудовым обязанностям заключенных свидетельствует отчет о проверке работы подмосковной Михайловской группы в лагере принудительных работ сельскохозяйственного типа: там «засеивали всего 40 десятин ... Скот был принят в крайне плохом состоянии, а 30 лошадей болели заразной чесоткой. ... фруктовые сады и оранжереи были в плачевном положении ...»¹⁶³.

Поэтому можно говорить о том, что исправительно-трудовые лагеря создавались как одна из форм борьбы с «несиловым» и малоопасным для советской власти антибольшевистским протестом, который считалось возможным «перевоспитать трудом». Однако, как оказалось, перевоспитать заключённых не представлялось возможным ввиду их намеренного саботажа и плохо организованной трудовой деятельности в лагерях, что стало одной из причин их ликвидации.

Список источников

- Государственный архив Курской области. Р-325. Курский губернский исполнительный комитет 1918–1928гг. Оп. 1. Д. 136. Приказы губернской чрезвычайной комиссии и переписка с ней о даче заключений и ответов на запросы.
- Государственный архив Российской Федерации. Р-130. Совет народных комиссаров РСФСР (СНК РСФСР). 1917–1991. Оп. 23. Д. 2. Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР.

¹⁶³ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 169. Л. 207 об. – 208 об.

- Государственный архив Российской Федерации. Р-393. Народный комиссариат внутренних дел РСФСР (НКВД РСФСР). 1917–1930. Оп. 89. Д. 169. Приказы, циркуляры, бюллетени и отчет о деятельности НКВД РСФСР за 1921 г.
- Государственный архив Российской Федерации. Р-393. Народный комиссариат внутренних дел РСФСР (НКВД РСФСР). 1917–1930. Оп. 89. Д. 294. Декрет об издании обязательственных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке, постановления СТО и Совнаркома, приказы Государственного политического управления, Трудовой Армии Сибири, инструкция для мест лишения свободы РСФСР и другие руководящие материалы.
- Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. Москва: Политиздат, 1957, 504 с.
- История сталинского Гулага. 2004. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. Т. 2. Карательная система: структура и кадры. Гуверовский ин-т войны, революции и мира, отв. ред. и сост. Н.В. Петров, отв. сост. Н.И. Владимирцев. Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 696 с.
- Ленин В.И. 1970. Полное собрание сочинений. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. Москва: Госполитиздат. Т. 50: Письма. Октябрь 1917 – июнь 1919, 623 с.
- Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. 1942. Управление делами Совнаркома СССР. Москва, 1483 с.
- Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. 1943. Управление делами Совнаркома СССР Москва, 886 с.

Список литературы

- Белова И.Б. 2013. Концентрационные лагеря принудительных работ в советской России: 1919–1923 гг. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 12(38), ч. 1: 32–37.
- Глушченко П.П., Жаркой М.Э. 2009. Становление карательной политики в первые годы советской власти. *Общество и право*. 1(23): 14–22.
- Детков М.Г. 1992. Содержание пенитенциарной политики Российского государства и реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917–1930 годов. Москва: РИПК работников ОВД, 192 с.
- Зубков А.И., Калинин Ю.И., Сысоев В.Д. 1998. Пенитенциарные учреждения в системе Министерства юстиции России. История и современность, Москва, Норма, 176 с.
- Кокуркин А.И., Петров Н.В. 2002. ГУЛАГ (Главное управление лагерей) 1918–1960. Москва: Материк: Международный фонд «Демократия», 885 с.
- Олейник И.И., Олейник О.Ю. 2012. Проблема подведомственности пенитенциарной системы советской России в условиях перехода к новой экономической политике. *Вестник Владимирского юридического института*. 2: 193–198.
- Реент Ю.А., Жигалев А.В. 2009 Становление исправительно-трудовой системы Советской России в 20-е годы XX века. *Человек: преступление и наказание*. 2: 35–41.
- Реент Ю.А., Юнусов А.А. 2018. От тюрем к лагерям: становление исправительно-трудовой системы России (к 100-летию Центрального карательного отдела). *Вестник Нижегородской академии МВД России*. 4(44): 270–275.
- Тарakanов Ю.В. 2008. К вопросу о становлении советской пенитенциарной системы (1918–1922 гг.). *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 1: 99–104.
- Федосеев В.И. 2012. Становление советской пенитенциарной системы: о некоторых аспектах правового регулирования (1917–1934 гг.). *Вестник СЮИ*. 1: 33–39.

References

- Belova I.B. 2013. Kontsentratsionnye lagerya prinuditel'nykh rabot v sovetsskoy Rossii: 1919–1923 gg. [Forced Labor Concentration Camps in Soviet Russia: 1919–1923]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 12(38), ch. 1: 32–37.
- Glushchenko P.P., Zharkoy M.E. 2009. Stanovlenie karatel'noy politiki v pervye gody sovetsskoy vlasti [The Formation of a Punitive Policy in the Early Years of Soviet Power]. *Obshchestvo i pravo*. 1(23): 14–22.

- Detkov M.G. 1992. Soderzhanie penitentsiarnoy politiki Rossiyskogo gosudarstva i realizatsiya v sisteme ispolneniya ugovornogo nakazaniya v vide lisheniya svobody v period 1917–1930 godov [The Content of the Penitentiary Policy of the Russian State and the Implementation in the System of Execution of Criminal Punishment in the Form of Imprisonment in the Period 1917–1930]. Moskva: RIPK rabotnikov OVD, 192 c.
- Zubkov A.I., Kalinin Yu.I., Sysoev V.D. 1998. Penitentsiarnye uchrezhdeniya v sisteme Ministerstva yustitsii Rossii. Istoriya i sovremennost' [Penitentiary institutions in the system of the Ministry of Justice of Russia], Moskva, Norma, 176 c.
- Kokurkin A.I., Petrov N.V. 2002. GULAG (Glavnoe upravlenie lagerey) 1918–1960 [GULAG (Main Directorate of Camps) 1918–1960]. Moskva: Materik: Mezhdunarodnyy fond «Demokratiya», 885 s.
- Oleynik I.I., Oleynik O.Yu. 2012. Problema podvedomstvennosti penitentsiarnoy sistemy sovetskoy Rossii v usloviyakh perekhoda k novoy ekonomicheskoy politike [The problem of the Jurisdiction of the Penitentiary System of Soviet Russia in the Context of the Transition to a New Economic Policy]. Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. 2: 193–198.
- Reent Yu.A., Zhigalev A.V. 2009 Stanovlenie ispravitel'no-trudovoy sistemy Sovetskoy Rossii v 20-e gody XX veka [The Formation of the Correctional Labor System of Soviet Russia in the 20s of the Twentieth Century]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2: 35–41.
- Reent Yu.A., Yunusov A.A. 2018. Ot tyurem k lageryam: stanovlenie ispravitel'no-trudovoy sistemy Rossii (k 100-letiyu Tsentral'nogo karatel'nogo otdela) [From Prisons to Camps: the Formation of the Correctional Labor System of Russia (to the 100th Anniversary of the Central Punitive Department)]. Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. 4(44): 270–275.
- Rubinov M. Stanovlenie sovetskoy penitentsiarnoy sistemy. 1918–1921 gg. Elektronnaya kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy «Gody terrora» [The Formation of the Soviet Penitentiary System. 1918–1921. The Electronic Book in Memory of the Victims of Political Repression "The Years of Terror"]. URL: <http://kniga.pmem.ru/13-1-stanovlenie-sovetskoj-penitentsiarnoy-sistemy-1918-1921-gg.htm> (data obrashcheniya: 07.09.2024).
- Tarakanov Yu.V. 2008. K voprosu o stanovlenii sovetskoy penitentsiarnoy sistemy (1918–1922 gg.) [On the Question of the Formation of the Soviet Penitentiary System (1918–1922)]. Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. 1: 99–104.
- Fedoseev V.I. 2012. Stanovlenie sovetskoy penitentsiarnoy sistemy: o nekotorykh aspektakh pravovogo regulirovaniya (1917–1934 gg.) [The Formation of the Soviet Penitentiary System: On Some Aspects of Legal Regulation (1917–1934)]. Vestnik SYul. 1: 33–39.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 23.07.2024

Received 23.07.2024

Поступила после рецензирования 08.08.2024

Revised 08.08.2024

Принята к публикации 10.08.2024

Accepted 10.08.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бочарников Алексей Алексеевич, аспирант кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Alexey A. Bocharnikov, Postgraduate Student of the Department of Russian History and Documentation, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

[ORCID: 0009-0007-8714-6596](https://orcid.org/0009-0007-8714-6596)